

3.

Смерть Олега.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
 Отмстить неразумнымъ Хозарамъ;
 Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
 Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ;
 Съ дружиной своей, въ Цареградской бронѣ,
 Князь по полю єдешь на вѣрномъ конѣ.

Изъ шемнаго лѣсу, на вспрѣчу ему,
 Идешь вдохновенный кудесникъ,
 Покорный Перуну спарикъ одному,
 Завѣшовъ грядущаго вѣспника,
 Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ;
 И къ мудрому спарцу подъѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
 Что сбудешся въ жизни со мною?
 И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
 Могильной засыплюсь землѣю?
 Открой мнѣ всю правду, не бойся меня,
 Въ награду любого возьмешь ты коня.

Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
 А Княжескій даръ имъ не нуженъ,
 Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
 И съ волей небесною друженъ.
 „Грядущіе годы шаятся во мглѣ,
 „Но вижу швой жребій на свѣпломъ чель.

„Запомни же нынѣ ты слово мое:
 „Воишлю слава — оправда;
 „Побѣдою прославлено имя швое,
 „Твой щитъ на вратахъ Царяграда,
 „И волны и суши покорны тебѣ,
 „Завидуешь недругъ столь дивной судьбы.“

„И синяго моря обманчивый валъ
 „Въ часы роковой непогоды
 „И пращъ, и срѣла, и лукавый кинжалъ
 „Щадяшъ побѣдителя годы. . .
 „Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ,
 „Незримый хранитель могущему данъ.

„Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
 „Онъ, чуя господскую волю,
 „То смиреный споишъ подъ стрѣлами враговъ,
 „То мчишся по бранному полю,
 „И холодъ и сѣча ему ничего,
 „Но примешь ты смерть ошъ коня своего!“

Олегъ усмѣхнулся; — однако чело
 И взоръ омрачилися думой;
 Въ молчанье, рукой опервшись на сѣдло,
 Съ коня онъ слѣзаешь угрюмой;
 И вѣриаго друга прощальной рукой
 И гладишь и преплещь по шеѣ крушой. —

„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга!
 Разспашься настало намъ времѧ:
 Теперь ошдыхай! ужъ не сшупишъ нога
 Въ твое позлащеніе спремя!
 Прощай, ушѣшайся да помни меня;
 Вы, Ошроки, други, возьмише коня.

„Покройше по поной, мохнатымъ ковромъ;
 Въ мой лугъ подъ усшцы ошведище; —
 Купайше, кормише ошборнымъ зерномъ;
 Водой ключевою поише.“
 И Ошроки шошчасъ съ конемъ ошшли
 А Князю другаго коня подвели.

Пируешъ съ дружиною вѣцій Олегъ,
 При звонѣ веселомъ шакана, —
 И кудри ихъ бѣлы, какъ утреній снѣгъ
 Надъ славной главою кургана. . . .
 Они поминающъ минувшие дни
 И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

„А гдѣ мой товарищъ? примолвилъ Олегъ:
 Скажите, гдѣ конь мой рецивый?
 Здоровъ ли? все также лъ легокъ его бѣгъ?
 Все пошъ же лъ онъ бурный, игравый?<“
 И внемлюшь отвѣту: на холмѣ крушомъ
 Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ!

Могучий Олегъ головою поникъ

И думаетъ: „что же гаданье?

Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!

Презрѣть бы твое предсказанье!

Мой конь и доныне носилъ бы меня!“

И хочешь увидѣть онъ кости коня.

Вошь єдешъ могучий Олегъ со двора,

Съ нимъ Игорь и старые гости:

И видашъ — на холмѣ, у брега Днѣпра,

Лежашъ благородная кость,

Ихъ моють дожди, засыпаешъ ихъ пыль,

И вѣшеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь шихо на черепъ коня наспушилъ,

И молвилъ: „спи, другъ одинокой!

Твой старый хозяинъ тебя пережилъ;

На призѣнѣ — уже недалекой

Не пы подъ сѣкирой ковыль обагришь

И жаркою кровью мой прахъ напоишь.

Такъ вошь гдѣ таилась погибель моя!

Мнѣ смертию кость угрожала!“

Изъ мертвой главы, гробовая змѣя,

Шипя, между тѣмъ выползла;

Какъ черная лента, вокругъ ногъ обвилась,

И вскрикнуль внезапно ужаленный Князь.

Кости круговые, запѣнясь, шипяще

На призѣнѣ плачевной Олега, —

Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидашъ,

Дружина пируетъ у брега;

Бойцы поминають минувшіе дни

И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

A. Пушкинъ.